

Глава 4

Охотники вошли в пещеру, их силуэты четко вырисовывались на фоне льющегося снаружи предзакатного света.

Ци Бай сразу заметил в толпе Лан Цзэ. Несмотря на юный возраст — он едва перешагнул порог зрелости, — юноша уже перерос остальных взрослых звероловов. Высокий, но болезненно худощавый, он казался живым воплощением затянувшегося голода.

Стоило отряду приблизиться, как дети разразились восторженными криками.

— Кролики! Охотники добыли кроликов! — Ци Бай отчетливо услышал в общем гомоне голос Бао Сина.

— И полевых крыс! У нас будет мясо!

Рядом с Лу Го стояла крохотная азверолоуд, самая младшая из всех детей. Сейчас она вцепилась в подол юбки Лу Го и, не мигая, смотрела на зажатых в руках Хоу Яня кроликов своими большими, как у олененка, глазами. Она не кричала и не прыгала, словно заранее знала, что эта добыча ей не принадлежит. Малышка лишь молча посасывала палец, с трудом сглатывая набегавшую слюну.

Ци Бай хорошо запомнил этого ребенка. Весь день, пока он вытесывал каменный котел, эта девочка, которой на вид было не больше трех-четырёх лет, тихо трудилась подле Лу Го. У нее были совсем крошечные ладошки, она не могла унести за раз много зелени, но никогда не просила о помощи. Малышка упорно бегала туда-сюда, тщательно перебирала каждый листик и так же старательно относил их на место.

Однако в этот момент не только маленькая азверолоуд вела себя иначе, чем ликующая толпа. Весь охотничий отряд выглядел подавленным. Ци Бай заметил: кроме Хоу Яня, шедшего впереди с тремя кроликами и двумя крысами, остальные девять воинов вернулись с пустыми руками.

Хоу Янь передал добычу Ян Ло и, виновато опустив голову, проговорил:

— Мы ушли на полдня пути от пещеры, но удача улыбнулась немногим. Только Лан Цзэ сумел выследить этих кроликов, а Ху Хо поймал крыс.

Голос Хоу Яня тонул в окружающем шуме, и эти слова, помимо Ян Ло, случайно услышал лишь стоявший неподалеку Ци Бай.

Старейшина принял кроликов и подбодрил вождя мягкой улыбкой. Ян Ло был невысок, поэтому он поднялся на каменный выступ и знаком велел всем замолкнуть. Высоко подняв

кролика над головой, он возгласил:

— Благодарение Богу Зверей! Охотники вернулись с добычей, и сегодня каждый из нас получит по кусочку мяса!

Пещера взорвалась ликующим ревом.

— Слава Богу Зверей!

— Бог Зверей хранит нас!

Малышка рядом с Лу Го в надежде дернула ту за край одежды:

— Нам правда дадут мяса? Всем-всем — это значит и нам тоже?

Лу Го присела перед ней и ласково погладила по волосам:

— И нам тоже. Сегодня мы все попробуем мясо.

Только тогда в глазах ребенка вспыхнула жизнь, она радостно запрыгала на месте:

— Мы будем есть мясо! Мы будем есть мясо!

Ян Ло дождался тишины, обвел взглядом охотников и наконец произнес:

— Ху Хо, выйди вперед.

Тот, явно не веря своим ушам, медленно вышел из толпы. Его задняя лапа была искалечена, поэтому шел он неровно, заметно припадая на бок. Словно предугадывая, что последует дальше, люди расступились, оставляя Ян Ло и Ху Хо в центре круга.

Старейшина снял с пояса костяной нож, поднял самого крупного кролика и знаком велел Ху Хо приготовиться. Тот, под пристальными взглядами соплеменников, опустился на одно колено. Он изо всех сил старался сохранить невозмутимость, но Ци Бай заметил в его глазах блеск слез.

— Бог Зверей взирает на нас! — громко пропел Ян Ло и одним резким движением перерезал кролику горло.

Кровь брызнула горячей струей. Ху Хо подхватил еще содрогающееся тельце и принялся жадно

пить.

Это был Кровавый ритуал.

Ци Бай знал из памяти этого тела: только самым доблестным воинам выпадала честь испить первую кровь добычи, принесенной в жертву после охоты. Подобное совершалось не каждый раз — лишь в сезон большой охоты, когда отряды возвращались с богатыми трофеями, жрецы проводили торжественные церемонии перед лицом всего племени. По легенде, воин, прошедший омовение кровью, обретал покровительство Бога Зверей и становился непобедимым.

И пусть сейчас они были лишь горсткой изможденных беженцев, для них это была первая общая добыча и первый священный обряд. С этой минуты всё должно было измениться.

Охотники наконец заулыбались. Да, сегодня — лишь начало, завтра они наверняка добудут больше. Толпа восторженно выкрикивала имя Ху Хо.

На волне этого воодушевления Ян Ло заколол двух оставшихся кроликов. Кровь одного он отдал Хоу Яню, а другого разделил между Ху Мэном и Нью Юном — теми, кто сумел разжечь огонь. Парни не ожидали такой чести; они сияли от гордости, а Ху Мэн в порыве чувств даже начал колотить себя кулаками в грудь.

Наблюдая за общим весельем, Ци Бай невольно продолжал поглядывать на Лан Цзэ. Ведь всех троих кроликов, принесенных в жертву, добыл именно он. Однако сейчас его имя было предано забвению.

Когда Ци Бай в очередной раз украдкой посмотрел на него, Лан Цзэ вдруг обернулся.

Его глаза были глубокими и темными, как безлунная ночь над океаном — в них чудились и неистовые штормы, и пугающее спокойствие бездны. Ци Бай не смог прочесть в них ни единой эмоции.

Они смотрели друг на друга несколько мгновений, прежде чем Лан Цзэ первым отвел взгляд. Ци Бай вновь увидел рабское клеймо, выжженное у него на затылке. Юноша поспешно опустил голову; в груди разлилась горечь, смешанная со странным, необъяснимым чувством досады.

На пещеру опустились сумерки. Наконец Ян Ло распорядился готовить ужин. Это должна была быть их первая горячая еда с самого начала бегства, да еще и с мясом. У всех словно выросли крылья.

Благодаря трудам Ци Бая и его товарищей, к вечеру вогнутый валун уже напоминал настоящий котел. И пусть его стенки были неровными, для дела он вполне годился.

Ху Мэн и Ню Юн, окрыленные оказанной им честью, казалось, обрели недюжинную силу. Вдвоем они подхватили котел, вынесли его под дождь и старательно отмыли изнутри пучками листьев. Затем водрузили его на каменное возвышение, заранее сложенное охотниками.

Укрепив котел более мелкими камнями, они натаскали под него сухих веток и травы, после чего перенесли туда тлеющий уголь. Так в пещере появился первый очаг.

Ху Сюэ и Шэ Ли, возглавлявшие другие отряды собирателей, всё послеобеденное время готовили припасы. Теперь, когда плита была готова, они взялись за стряпню.

Впрочем, «стряпней» это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Сначала в котел вылили дождевую воду, собранную в огромные листья, а затем вывалили туда всю промытую зелень. Ху Сюэ медленно помешивала варево толстым суком, а Шэ Ли следила, чтобы огонь не погас.

Тем временем Хоу Янь с помощниками споро разделывали тушки. Снимать шкуры оказалось куда проще, чем представлял Ци Бай. Хоу Янь костяным ножом подрезал кожу на задних лапах, аккуратно отделил ее от мяса пальцами, и вскоре шкурка уже висела на кролике, точно вывернутый наизнанку мешок.

Резким, уверенным движением Хоу Янь стянул мех целиком. С крысами он управился так же ловко — все его движения были выверены и точны. Снятые шкуры он бережно отложил в сторону: это было богатство племени. Их выделка — процесс долгий и сложный — станет одной из важнейших задач в будущем.

Закончив со шкурами, вождь принялся за мясо. Внутренности он сложил отдельно на широкие листья, после чего начал рубить тушки на плоском камне.

Каменный нож был тупым, он не резал, а скорее дробил кости, но это никого не смущало. Воины быстро раскромсали мясо на куски. Вода в котле еще не закипела, но зверолоуды не придавали значения таким мелочам — они просто забросили мясо прямо в холодное варево к траве.

Ци Бай впервые видел столь бесхитростный способ приготовления пищи. Он уже не ждал от этого блюда каких-то изысканных вкусов, но общая атмосфера ожидания была настолько заразной, что он тоже включился в суету.

Когда последние ингредиенты оказались в котле, оставалось только подбрасывать дрова и ждать. Камень прогревался медленно, а объем воды был велик, так что до горячего ужина оставалось не меньше часа или двух.

Но это ожидание было упоительным. Люди расселись вокруг очага, сжимая в руках свои нехитрые пожитки — каменные чаши. Ци Бай тоже нашел себе гладкий, слегка вогнутый камень, который заранее тщательно вымыл.

В пещере звучал смех, разговоры не смолкали — от гнетущей атмосферы бегства не осталось и следа. Запах из котла был специфическим, но для Ци Бая, чей желудок за весь день видел лишь горсть сырой травы да пару кислых ягод, он казался божественным. Живот предательски заурчал.

Когда вода в котле начала подергиваться первыми пузырьками, Ци Бай сбился со счета, сколько раз его внутренности подавали голос от голода. Сперва он смущался, но вскоре понял, что в этом нет нужды: вокруг только и слышалось, что утробное урчание десятков голодных животов. Сидевший рядом Лан Цзэ и вовсе не скрывал своего состояния. Вся сложность его недавнего взгляда исчезла — теперь его волчьи глаза, не отрываясь, следили за котлом, точно за живой добычей.

Но никто не смел подойти первым. Все ждали знака старейшины.

Ян Ло поднялся и подошел к котлу. В руках у него тоже была каменная чаша, но он не собирался есть первым. Напротив, он решил лично наделить каждого сегодня его долей горячего супа.

Первым он подозвал Хоу Яня. Вождь не стал церемониться и подставил чашу. Ян Ло, как и обещал, положил ему добрый кусок мяса и щедро плеснул похлебки с овощами. Вслед за ним потянулись остальные.

Ху Мэн, получив свою порцию, расплылся в улыбке до ушей. Он тут же отправил кусок в рот вместе с костью, но, видимо, глотать сразу стало жалко — он принялся сосредоточенно жевать, с таким видом, будто не собирался выплевывать ни единой крошки.

Ню Юн, получивший долю вместе с ним, вел себя иначе. Он бережно держал свою чашу, отпивая наваристый бульон маленькими глоточками. Затем съел овощи, оставив одинокий кусок мяса на самом дне. Он собирался пойти за добавкой травы, чтобы «мясной дух» остался в чаше до самого конца. Ню Юн крепко запомнил слова Ян Ло: мяса по куску на брата, но количество овощной похлебки сегодня не ограничено.

Конечно, «не ограничено» было понятием относительным — запасы собирателей были не вечны, и каждому досталось по две-три чаши. Ху Мэн, давно проглотивший свою кость, теперь с тоской и завистью косился на чашу соседа, пуская слюни от раскаяния за свою поспешность.

До своей болезни Ци Бай пробовал немало деликатесов, но сейчас ему казалось, что нет на свете ничего вкуснее этого простого варева.

С первым же глотком горячего бульона он вдруг остро осознал смысл пищи. Глаза защипало от подступивших слез. Столько дней в пути, вечный голод, изнурительные переходы по сотне ли в день... Это тепло в желудке казалось чудом, возвращением к жизни. Только сейчас он по-настоящему почувствовал: он жив. Его новая жизнь началась.

Мясо дикого кролика было жестким и почти безвкусным — его лишь слегка приварили в каменном котле, — но Ци Бай своими острыми леопардовыми зубками отрывал волокна и долго пережевывал их, ощущая в этом скудном соке едва уловимую сладость.

Ужин затянулся. Все ходили за добавкой, и Ци Бай не стал исключением. Одного куска мяса с овощами было мало даже для обычного человека, не говоря уже о зверолюдах с их аппетитом, но никто не жаловался. На лицах читалось лишь глубокое умиротворение.

Ночь полностью вступила в свои права. Одежда, вечно пропитанная дождевой влагой, наконец просохла в тепле костра. Однако Ци Бай внезапно почувствовал, что не может больше сидеть на месте.

Он заметил, как Ху Хо неподалеку ловко скручивает веревку из высушенных стеблей травы. В голове Ци Бая всплыл образ рыб-людоедов, виденных утром, и одна дерзкая мысль, зародившись, уже не желала его покидать.

<http://bllate.org/book/15816/1422555>